

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

МАТЕРИАЛЫ К IV МЕЖДУНАРОДНОМУ СЪЕЗДУ СЛАВИСТОВ

«Вопросы языкознания» неоднократно сообщали о подготовке советских и зарубежных ученых к IV Международному съезду славистов, который должен состояться в Москве с 1 по 10 сентября 1958 г.

В № 4 за 1956 год в статье «О некоторых актуальных задачах современного советского языкознания» редакция известила о подготовленном Советским комитетом славистов списке вопросов, подлежащих обсуждению до съезда. Советский комитет славистов поставил перед учеными-славистами, помимо литературоведческих вопросов, тридцать вопросов, охватывающих основные проблемы славянского языкознания:

- 1) Каковы основные задачи и проблемы типологии славянских языков?
- 2) Каков был характер лексических взаимодействий славянских литературных языков в разные периоды их истории?
- 3) Какова специфика литературного двуязычия в истории славянских народов?
- 4) Каковы типы лексической омонимии в системе славянских языков (общее для всех славянских языков, индивидуальное для отдельных славянских языков)?
- 5) Каковы принципы составления дифференциальных двуязычных словарей славянских языков (русско-чешского, чешско-русского, чешко-польского и т. п.)?
- 6) Каковы принципы составления сопоставительного словаря современных славянских литературных языков?
- 7) Что нового внесла структуральная лингвистика в историческое и сравнительно-историческое изучение славянских языков?
- 8) Какие новые возможности для изучения истории праславянского языка дает так называемая «внутренняя реконструкция»?
- 9) Применим ли сравнительно-исторический метод при реконструкции синтаксических явлений языка дописанного периода?
- 10) В каких случаях следует учитывать явления фонетической субституции в истории праславянского языка?
- 11) Какова была структура слога в праславянском языке?
- 12) Какие древние типы именных основ сохранились в поздний период истории праславянского языка?
- 13) Когда возникла полная форма прилагательного и каково было ее значение в праславянском и древних славянских языках?
- 14) Каково было видовое значение глагольных основ в праславянском языке?
- 15) Каковы общие и частные закономерности развития глагольной системы в славянских языках?
- 16) Каковы основные отличия именной и глагольной суффиксальной системы праславянского, праиндоевропейского и отдельных славянских языков?
- 17) Каковы пути развития отменного глагольного и отглагольного именного словообразования в славянских языках?
- 18) Каковы специфические способы выражения модальности в славянских языках?
- 19) Каковы основные задачи сравнительного изучения интонации предложений в славянских языках?
- 20) Существовало ли балто-славянское языковое и этническое единство и как следует его понимать?
- 21) Как следует представлять территорию славянской прародины?
- 22) К каким периодам относятся факты разделения славян на основные ветви?
- 23) Какова роль отдельных балканских языков в формировании южнославянских языков?
- 24) Какова роль субстрата в развитии фонетической системы и грамматического строя отдельных славянских языков?
- 25) Какова роль славянского адстрата в развитии фонетической системы и грамматического строя соседних неславянских языков и каково их значение для изучения славянской исторической фонетики и грамматики?

26) Что может дать лингвистическое картографирование для классификации славянских языков?

27) Как Вы относитесь к вопросу о возможности построения лингвистического атласа отдельных групп славянских языков или славянских языков в целом? Каково должно быть построение такого атласа?

28) Отражают ли и в какой мере диалекты отдельных славянских языков племенные языки?

29) Каково значение диалектных данных для построения исторического синтаксиса отдельных славянских языков?

30) Какой из славянских алфавитов древнее — глаголица или кириллица; какой из этих алфавитов создан Кириллом и Мефодием?

Советский комитет славистов получил от ученых разных стран значительное число ответов, которые будут опубликованы в отдельном сборнике, посвященном предстоящему съезду. «Вопросы языкознания» помещают в настоящем номере ряд ответов на один из предложенных вопросов: Существовало ли балто-славянское языковое и этническое единство и как следует его понимать? В последующих номерах будут публиковаться ответы на ряд других вопросов.

Ответы К. Яначка, В. Георгиева, М. Будимира, П. Троста, И. Лекова, Э. Дикенмана, Л. Треймера печатаются в переводе А. К. Кошелева; ответ Т. Лера-Сплавинского — в переводе Л. Е. Бокаревой.

Вопрос «Существовало ли балто-славянское языковое и этническое единство и как следует его понимать?» сформулирован так, что затрудняет до некоторой степени однозначный ответ. Ведь языковое и этническое единство трудно считать совершенно друг друга покрывающими понятиями. Известно из данных истории, что могут встретиться случаи, когда различные этнические единства пользуются общим, с небольшими различиями, языком — достаточно указать в данном случае на современных сербов и хорватов, которые отличаются как в антропологическом отношении, так и культурно-историческими традициями, но говорят на едином языке, являющемся, без сомнения, выражением общих и, между прочим, унифицирующих тенденций развития; и наоборот, существуют единства этнически однородные, осознающие культурно-национальную общность, но пользующиеся в повседневной жизни (а иногда и в литературе) двумя различными языками, — что мы видим в Германии (языки нижненемецкий и верхненемецкий), во Франции (язык французский, провансальский и кельтские наречия в Бретани) или в России (во многом различные между собой наречия северновеликорусское и южновеликорусское).

Нельзя, следовательно, в отношении балто-славянской проблемы дать одновременно ответ на вопрос о языковом и этническом единстве этих групп. Предшествовавшие исследования этой проблемы принимали во внимание почти исключительно его языковую сторону, и поэтому только в этой области мы можем попытаться дать более или менее определенный ответ. Для меня лично этот ответ в основном представляется бесспорным: языковые предки балтов и славян пережили в определенную эпоху период общего языкового развития, о чем показательно свидетельствует ряд изменений и грамматических новообразований, общих тем и другим языкам, но чуждых остальным индоевропейским, а также значительная общность словаря — хотя как в грамматическом строе, так и в словаре встречаются и различия между ними, унаследованные частично из периода праиндоевропейской общности, а частично из периода обособленного развития обеих групп после распада балто-славянской общности, продолжавшейся не менее, чем несколько веков. Я не хочу подробно обосновывать это предположение, так как я уделил этому достаточно внимания в моих предшествующих работах, прежде всего в работе «О происхожде-

нии и прародине славян» («O pochodzeniu i praojczyźnie Słowian», Poznań, 1946, 237 стр., 6 карт), а также в исследовании «Языковая балто-славянская общность и проблема происхождения славян» («Wspólnota językowa bałto-słowiańska a problem etnogenezy Słowian», «Slavia Antiqua», t. IV (1953), Poznań — Wrocław, 1954, стр. 1—21), в которых учтена предшествующая литература, касающаяся этого вопроса¹.

Что касается дополнительного вопроса: как следует понимать балто-славянское «языковое единство»? — то надо сказать, что о настоящем «единстве» в полном смысле этого слова не может быть речи. С одной стороны, необходимо помнить о том, что ни одно языковое целое с достаточно широким территориальным распространением не может быть вполне монолитным, так как единство языкового развития зависит от непосредственных общественно-языковых контактов, возможных только при очень ограниченном пространстве, намного меньшем, чем то, которое вне всякого сомнения было характерно для балто-славянского языкового единства. Однако, с другой стороны, сравнительно-исторические данные — хотя и очень незначительные и в конечном счете единичные, — касающиеся индоевропейского языка-основы, из которого произошли наречия предков балтийских и славянских племен, несомненно указывают на то, что эта основа была отнюдь не монолитной и что вокруг нее объединялись действительно близкие, но достаточно различающиеся между собой языковые группы, так что наречия будущих балтийских и славянских племен не образовали в пределах языкового индоевропейского мира какой-нибудь компактной группы с определенными задатками будущего совместного языкового развития. Условия для такого развития возникли, разумеется, только после окончательного ослабления связей с другими диалектными группировками вследствие обстоятельств, благоприятствовавших сближению и концентрации племен, говоривших на довольно близких наречиях. Это произошло, по всей вероятности, в результате параллельного направления миграции и территориального сближения новых районов поселения, где они, кроме того, подверглись влиянию общего инородного этническо-языкового субстрата, довольно быстро ассимилированного в языковом отношении².

Все эти обстоятельства, в том числе имеющая не последнее значение и ассимиляция одного и того же языкового субстрата, привели, несомненно, к усилению общих тенденций развития в языке этих племен — тенденций, унаследованных в какой-то степени еще из праиндоевропейской эпохи, хотя до того времени недостаточно определившихся³.

Развитие этих общих языковых тенденций не могло, очевидно, уничтожить полностью всех различий, которые были свойственны наречиям балтов и славян еще в предшествующий период, хотя и способствовало, несомненно, значительному их ограничению. Образовавшаяся на такой основе общность развития балто-славянского наречия не могла, однако, стать «языковым единством» в полном смысле этого слова, но, несомненно,

¹ Уже после выхода в свет этих работ появилось на русском языке обширное исследование проф. Я. Огрозьского «Славяно-балтийское языковое единство» (ВЯ, 1954, №№ 5, 6). Находится в печати моя статья, также касающаяся данного вопроса, под заглавием «Балто-славянская общность и проблема этногенеза славян» (в сб. «Вопросы славянского языкознания», вып. 3, в печати).

² Ср. мои замечания по данному вопросу в журналах «Slavia Antiqua» (t. IV (1953), Poznań—Wrocław, 1954, стр. 15) и «Вопросы языкознания» (1955, № 1).

³ Затронутые здесь вопросы рассматриваются мною в работе «Индоевропейские основы языковой балто-славянской общности», печатающейся в польском сборнике к IV Международному съезду славистов («Podstawy indoeuropejskie wspólnoty językowej bałto-słowiańskiej», t. I).

была о б щ и о с т ь ю развития, о существовании которой в прошлом не позволяют сомневаться многочисленные общие грамматические новообразования и лексические связи балто-славянских языков.

Что же касается этнической стороны балто-славянской проблемы, то необходимо помнить, что подтверждение языковой общности, которая объединяла когда-то предков балтов и славян в какое-то более или менее замкнутое языковое единство, не решает данной проблемы. Язык действительно является одним из важнейших элементов этнического своеобразия каждого общества, но, однако, не единственным и не решающим. Кроме языка, в его состав входят и другие важные элементы материального и культурно-исторического характера, от которых зависят в большей степени, чем от языка, его оформление и развитие. Здесь идет речь, с одной стороны, о физических особенностях членов соответствующего общества и о сумме наложенных на него физических черт, оказывающих, разумеется, влияние, степень которого еще недостаточно выяснена научно, на духовное развитие и на зависящую от него эффективность в производительности труда.

С другой же стороны, этот процесс зависит от духовного развития всего общества и прежде всего от его уровня, проявляющегося в материальной, духовной и общественной культуре. К необходимости учета всех этих факторов приводят исследования в области антропологии, истории материальной культуры, в первую очередь, археологии, а также этнологии и истории общественного строя. Их результаты — до сих пор еще очень неравномерные по уровню и качеству — отчетливо указывают, что пути и темпы развития и изменения любого из компонентов, составляющих этническое своеобразие общества, различны и часто противоположны, несмотря на общность объекта эволюции, которым является данное общество. Это очень затрудняет, а иногда делает просто невозможным удовлетворительное определение этнического характера общества, о котором идет речь. Эти трудности тем более усиливаются, чем дальше в прошлое мы удаляемся, стремясь охарактеризовать определенное общество в одном из прошлых периодов его развития, так как в нашем распоряжении оказывается все меньше фактического материала.

Если речь идет о балто-славянской проблеме, то — минуя ее языковую сторону, образующую особую и в значительной степени замкнутую в себе проблему — мы в конце концов ограничены только теми данными, которые нам дает антропология, а также и доисторическая археология. Первая из этих наук не располагает историческим материалом, характеризующим непосредственно то время, которое смогли бы предположительно отнести к балто-славянскому периоду, и ограничивается в этом отношении лишь ретроспективными заключениями, основанными на современном и историческом материале, в результате чего ее выводы должны ограничиваться лишь общими гипотезами. Они излагаются в соответствии с новейшими взглядами Чекановского¹ в подтверждение того, что в северо-индоевропейских группах, а именно у восточных, скандинавских и некоторых западных германцев, а также у первобытных балтов в антропологической структуре северный элемент преобладает над средиземноморским, у славян же раннего исторического периода, кроме этих двух компонентов, проявляется также лапоновидный. Опираясь на антропологические данные, надо было бы сделать вывод, что балты и славяне раннего исторического периода наряду с общими имели также су-

¹ Ср. работу Я. Чекановского «Введение в историю славян» (J. Czekański, *Wstęp do historii Słowian*, 2 wyd., Poznań, 1957, стр. 33—34), а также работу того же автора, печатающуюся в польском сборнике к IV Международному съезду славистов (т. I).

щественно различные черты, и нет оснований предполагать, что в более ранний период эти различия были меньшими, чем в эпоху, доступную нашему непосредственному исследованию. Однако выводы эти сомнительны и ненадежны, так что трудно придавать им большое значение, хотя они в общем соответствуют данным языкознания в отношении взаимных связей племенных предков балтов и славян.

К более точным выводам приводят археологические исследования, касающиеся материальной культуры на территории поселения балтийских и славянских племен исторического периода. Данные эти подтверждают именно то, что выступающие в этих районах в неолитический и бронзовый период культурные объединения, известные в науке под названием ржучевской, тичинецкой, долужижской и восточнобалтийской культур, несмотря на некоторые различия между ними, все же указывают на более или менее отчетливую связь с так называемой культурой шнуровой керамики, проникновение которой в первые века второго тысячелетия до нашей эры охватило огромные пространства центральной, восточной и юго-восточной Европы, от Рейна на западе за Волгу на восток, от Ютландии и Скандинавии на севере до Балканского полуострова и Черноморского побережья на юге.

Культура эта считается всюду в науке археологическим эквивалентом обществ, говоривших на индоевропейских наречиях, а ее распространение равнозначным языковой индоевропеизации пространств, охватываемых ею. Таким образом, здесь надо искать индоевропейских предков балтийских и славянских племен. Но так как распространение носителей шнуровой керамики достигло территории от Одры к северо-востоку почти до бассейна Оки, где до этого были поселения носителей культуры так называемой гребенчатой керамики (идущей от подножья Урала), и сравнительно быстро ассимилировало эту культуру, заимствуя лишь незначительные культурные элементы, то кажется наиболее правдоподобным, что именно в основе этого смещения культур с решающим преобладанием индоевропейской культуры шнуровой керамики следует видеть археологический эквивалент языковой балто-славянской общности. Параллелизм между ними тем более разителен, что как и культура шнуровой керамики на территории от бассейна Одры на западе и включая бассейн Оки на востоке никогда не образовывала совершенно монолитной целостности, а состояла из нескольких, в небольшой степени отличающихся, хотя и близких между собой культурных групп, при этом в результате общей ассимиляции так называемой уральской культуры (или гребенчатой керамики), объединенных сильнее, чем остальные «шнуровые» скопления, — так же и языковая балто-славянская группа, как мы знаем из предшествующих рассуждений, никогда не была ни однородной, ни совершенно монолитной и несмотря на это пережила достаточно долгий период общего развития.

Кроме того, распад балто-славянской общности и возникновение на ее месте обособленных славянских и балтийских языковых групп также находит соответствующее отражение в археологии: в ранний период бронзового века на западной части территории, о которой идет речь, в результате распространения лужицкой культуры, которая направила племена, населяющие пространства бассейнов Одры, Вислы, Буга и верхнего Днепра, по пути нового культурного развития, отличного от развивающейся по прежнему пути восточно-балтийской культуры в бассейне реки Преголы, Немана и дальше на восток. Параллелизм, существовавший между описанными процессами распространения культуры шнуровой керамики и позднее лужицкой культуры, возникновения и распада языковой балто-славянской общности кажется настолько очевидным, что мы

можем с достаточным основанием опереться на него при хронологическом, хотя бы и приблизительном, определении этих процессов, имеющих основное значение для проблемы этногенеза славянских и балтийских народов. Нам помогает в этом отношении археология, так как лингвистика здесь бессильна.

Так, период распространения культуры шнуровой керамики на территории, о которой идет речь, и ассимиляция ею уральской культуры (гребенчатой керамики) в начале второго тысячелетия до н. э. дает нам одновременно *terminus a quo* языковой индоевропеизации этих пространств и одновременно возникновения языковой балто-славянской общности. Экспансия лужицкой культуры, разделяющая примерно в середине того же тысячелетия западную часть этой территории от восточной, создает *terminus ad quem* существования общности и одновременно обозначает начало обособленного праславянского и балтийского языкового развития. Период существования балто-славянской языковой общности, таким образом, продолжался 500—600 лет¹.

Возможно, что, кроме этих хронологических указаний, можно было бы использовать археологические данные, касающиеся материальной культуры «шнурового» общества на балто-славянской территории, для определенных выводов в отношении духовной и общественной культуры предков балтийских и славянских племен, но рассуждения на эту тему, не имеющие, однако, до сих пор необходимой предварительной разработки, завели бы нас слишком далеко.

Т. Лер-Сплавинский (Краков)

Очень большое впечатление в смысле близкой родственности балтийской и славянской языковых групп производит, как известно, значительная близость их в лексическом отношении, и в этой области, конечно, то, что в свое время отметил И. М. Эндзелин в «Славяно-балтийских этюдах» (Харьков, 1911, стр. 192—200), получило еще большее подтверждение в словаре Р. Траутмана. Важно при этом, конечно, не столько количество общих словарных элементов, сколько их характер — принадлежность их главным образом к основному словарному фонду. Естественный вывод, который нужно сделать из этого факта, — признать для давнего прошлого тесную связь между собою языков-предков славянской и балтийской групп. Это признание не решает, однако, достаточно определенно вопроса о в р е м е н и такой близости: это время могло быть не очень удаленным от того, когда еще совершался распад индоевропейского «языка», и обе ветви могли унаследовать и в значительной степени только сохранить эту близость; но могло быть и так, что они после эпохи радикального разрыва друг с другом снова на относительно долгое время сошлись, жили в контакте и вместе вырабатывали лексические особенности, отделяющие их от других индоевропейских ветвей. Склониться к тому или другому предположению следует лишь после учета всех других черт, которые могут свидетельствовать о родственности этих языковых групп.

¹ Вопрос связи языковых и археологических данных в отношении к проблеме балто-славянской общности был предметом моих исследований в статье «Археологическая основа балто-славянской языковой общности» («*Tro archeologiczne wspólnoty językowej balto-słowiańskiej*», — «*Slavia Antiqua*», t. VI, в печати), которая представляет собой ответ на аргументацию проф. Костиевского в работе «Отношения между лужицкой и балтийской культурами и вопрос балто-славянской языковой общности» (J. K o s t r z e w s k i, *Stosunki między kulturą łżycką i bałtycką a zagadnienie wspólnoty językowej balto-słowiańskiej*, «*Slavia Antiqua*», t. V (1954—1956), Poznań, 1956). Этому же вопросу посвятил свои исследования, почти целиком совпадающие по выводам с моими, проф. В. Хепсел в работе, печатающейся в польском сборнике к IV Международному съезду славистов (т. I).

Мнения Я. С. Отрембского (см. ВЯ, 1954, № 5, стр. 34), будто ему удалось устранить важнейший фонетический аргумент Эндзелина, обосновывавший гипотезу, что предки балтийских и славянских народов представляли собой самостоятельные группы племен, говоривших на очень близких диалектах, — не совсем одинаковые условия рефлексации в славянской и балтийской группах индоевропейского *s*, принять нельзя. Из аргументации самого Отрембского следует, что дело, во-первых, идет в основном о фонетической изоглоссе не только славяно-балтийской, но одновременно и индо-иранской, т. е. о черте значительно более глубокой древности, чем предполагаемая славяно-балтийская как таковая; во-вторых, если даже принять отстаиваемую Отрембским возможность балтийской рефлексации *šk* из *ski* (там же, стр. 33), его славянские параллели (стр. 33—34) переходу *šĭk* > *šĕk* > *šk* не имеют должной убедительности.

Славянские рефлексы *sk* > *šk* сплошь поздние (относятся к различным языкам и говорам при их особом развитии).

Разговор о них надо вести в отношении большого частного материала, относящегося к изменениям не только *sk* > *šk*, но и *sp* > *šp*, *st* > *št* и др. Не случайно поэтому Отрембский говорит, что «вопрос об условиях возникновения в славянской языковой группе сочетания *šk* из палатального сочетания *s'k* должен быть рассмотрен особо» (там же, стр. 34) (добавим — не только «палатального»: др.-русс. *скора*, совр. *шкура*, укр. *шкіра*, чеш. *škudla* при ст.-чеш. *skudla* и под.). В иллюстрации Отрембского попали даже польск. *szkudła* «гонт», относительно позднее заимствование из немецкого (в последнем из лат.; ср.: *scandula*, *scindula*), и *szcudła* «костыли; ходули», почему-то (без специальной аргументации) сближаемое с первым (с этим польским словом ср. чеш. *štidla*, *štihla* «костыль»), хотя семантическая связь этих слов очень сомнительна, если не более.

Сходство и различия акцентологических явлений между обеими языковыми группами, если не касаться явлений бесспорно позднейших, свидетельствует о том, что древнейшее ударение, как в наибольшей мере ясно из литовских фактов, на балтийской почве в основном, видимо, долго сохраняло в парадигмах склонения и спряжения свой морфологический характер — разноместность в соответствующих падежных формах и в соответствующих формах лиц и чисел и т. д. В древнейшем славянском языке эта разноместность сохранилась значительно меньше. Там, где она наблюдается, она едва ли не в большинстве случаев вторична — вызвана действием закона Фортунатова — де Соссюра. Ни на какие серьезные выводы относительно глубокого различия между обеими группами этот факт, впрочем, не указывает. Нужно думать только, что состояние в этом отношении древнейшего славянского языка лишь отражает более позднюю стадию развития, чем та, которая представлена литовским языком.

Принципиального значения не может также иметь то, что касается изменения характера интонаций (и количества), унаследованных соответственно происхождению определенных гласных звуков из «праиндоевропейских»: внутри каждой из сопоставляемых языковых групп изменения (вплоть до прямой противоположности) не меньше, чем между ними в целом (если такое сопоставление вообще возможно).

Наиболее, казалось бы, веское доказательство в пользу особенной близости славянских и балтийских языков в акцентологическом отношении — закон Фортунатова — де Соссюра может быть, как доказывал Н. В. Ван-Вейк, явлением параллельного развития в обеих ветвях. Закон Г. Хирта (перенос ударения с конечных гласных на предшествующие

акутированные) даже с тем важным ограничением для славянских языков, которое внес Т. Јер-Славинский, принимающий такой перенос только с конечных краткостей и циркумфлектированных долгот («Symbolae grammaticae», vol. II, Gracoviae, 1928), вызывает вообще сомнения (см. мои замечания в сборнике «Вопросы славянского языкознания», кн. 4, Львов, 1955, стр. 16—17). Не намного убедительнее и другие сближения акцентологического характера (метатония в сушинах, интонация некоторых окончаний в склонении и др.).

В области м о р ф о л о г и и обращает на себя внимание значительная разница между формами склонения в славянских и балтийских языках, с одной стороны, и формами с п р я ж е н и я (включая ряд словообразовательных моментов), с другой: относительная близость в первом случае и очень значительное различие во втором. Особенно характерны для системы глагола черты различия в образовании прошедшего времени (ср. славянские аорист и имперфект).

Важно, что и в системе глагольного словообразования, где славянские и балтийские языки близко соприкасаются, — они далеко не всегда в этом отношении оказываются изолированными от других индоевропейских языков. Сближающие их черты в ряде случаев встречаются и в германских языках. Это хорошо показал Х. С. Станг (см. «Das slavische und baltische Verbum», Oslo, 1942). Он прав, утверждая, что «таким образом германская, балтийская и славянская группы обнаруживают в области глагольного словообразования некоторые специальные совпадения. Эти совпадения не заставляют обязательно предполагать предшествующее германо-балто-славянское единство. Они основываются скорее на конвергентном развитии, соответственно — на общем сохранении старых черт. Относятся они к явлениям так называемых языковых союзов» (стр. 277—278). Мне, впрочем, представляется, что в данном случае есть больше оснований для вывода именно о с о х р а н е н и и старых черт, чем о явлениях «языковых союзов», более понятных применительно к фонетике («акценту»), чем к морфологии.

Отличие современной славянской группы языков от группы балтийской настолько определено, что, конечно, не нуждается ни в каких развернутых доказательствах. Это «замкнутые» языковые группы, без сколько-нибудь определенных переходных звеньев от одной к другой. Идя в глубь истории примерно на тысячелетие, никакой радикально иной картины отношений мы не получаем. Отсюда необходимо заключить, что бывшая связь языков — предков этих групп, как индоевропейских вообще, когда-то была решительно разорвана на очень долгое время, что, конечно, не исключает некоторых следов былой близости их в отдельных чертах, при возможности новых сходных черт, возникавших независимо в обеих уже прямо не общавшихся одна с другой языковых группах. Отношение друг с другом обеих групп таково, что констатируемые для них некоторые изоглоссы фонетического, словообразовательного, флективного и синтаксического характера не дают сколько-нибудь твердого основания для признания бывшего распада связей очень глубокой древности происходившим постепенно — путем отрыва звеньями — звено за звеном, иначе говоря, — путем постепенного ослабления взаимного контакта представителей той и другой группы.

Однако, несмотря на то, что у нас мало решающих положений, которые бы могли обосновать ближайшее родство в прошлом балтийских и славянских языков, и немалое число данных, свидетельствующих о независимом развитии ряда черт, сближающих эти две группы языков, нельзя, вынося свое окончательное суждение по поставленному вопросу, пройти мимо в с е ж е столь важного и примечательного момента, что черт совпадения

в различных речевых сферах уже истари оказывалось между славянскими и балтийскими группами намного больше, чем между ними и другими языковыми группами (исключая, пожалуй, индо-иранскую). Этого, пожалуй, достаточно, чтобы сделать решительные выводы, заставляющие предполагать, что отношение славянских и балтийских языков надо понимать как более тесное, чем каждой из этих групп с другими индоевропейскими.

Утверждение ближайшего или близкого родства двух языковых групп (идиомов) допускает по крайней мере такие уточнения: 1) соответствующие идиомы могут быть продуктами распада более раннего единого языка (языка, которым в прошлом носители его пользовались для бытового контакта без всяких колебаний и без опасения неполного понимания одной стороной другой); 2) соответствующие идиомы, являясь продуктами распада в прошлом единого языка, не настолько удалились друг от друга, чтобы в новых исторических условиях не сблизиться друг с другом и не послужить их носителям для сравнительно легкого общения друг с другом; 3) могут образовываться смешанные языки или как единые для определенных коллективов, или как вторые (добавочные) при сохранившихся в употреблении своих. Важно при этом в аспекте поставленного вопроса учесть степень, вернее, степени смешанности: такую, при которой флексия вообще остается непроницаемой; такую, когда она подвергается большим или меньшим разрушениям; такую — наибольшая степень сохраняющегося родства, — когда один из двух смешивающихся друг с другом языков перенимает или допускает влияние флексивных элементов другого. Свое значение, всегда, впрочем, меньшее, имеет и то, что относится к сближению признаков фонетических (усвоение чужого «акцента»), относительно легко усваиваемых говорами и языками друг у друга¹, лексических (материальной части слов), отчасти кальк, часто словообразовательных и синтаксических, не вытекающих прямо из морфологических особенностей определенной системы; 4) некоторые элементы языкового субстрата данной местности при наложении на него нового языка оказываются в известной степени влияющими на этот последний, и т. д.

Всего вероятнее, что близость славянских и балтийских языков, при ряде вполне определенных отличий между ними, относится к первому типу родства, т. е. к отношениям, вынесенным уже из языка — предка восточной группы индоевропейских языков. Сомнительно, чтобы нынешние отношения между собою обеих групп можно было толковать в духе родства второго рода — признаков какого-либо значительного (принципиального) сближения этих групп после когда-то происшедшего разрыва.

Не следует возражать (для этого нет определенных оснований) и против такого, например, понимания отношений, которое выдвинуто в упомянутой статье Я. С. Отрембского: «Независимое развитие языка предков славян было возможно только потому, что они на протяжении известного промежутка времени не жили совместной жизнью с предками и н е ш н и х балтов — их разделяли, по-видимому, исчезнувшие впоследствии славяно-балтийские племена. Но по истечении этого периода славяне вновь вошли в соприкосновение с балтами» (ВЯ, 1954, № 6, стр. 46). Принятие таких отношений допустимо, хотя нет никаких сколько-нибудь надежных данных в пользу действительного существования в прошлом после распада

¹ При отсутствии надежной теории причин фонетических изменений нужно считаться и с теми вполне уловимыми явлениями, на которые указано уже около полувека назад, но изучение которых пока довольно мало подвинулось, — с параллельным развитием звукового состава идиомов, близких территориально, но не имеющих между своими носителями действительного бытового контакта (внеконтактная зональность звукоизменений).

индоевропейского языка-предка непрерывной цепи связей (изоглосс и цельных диалектов) между предками нынешних славянских и балтийских индоевропейских языков. Единственное, что в понимании Отрембского представляется, однако, непримлемым, — это утверждение «только потому», выдвинутое с гипотезой о промежуточных славяно-балтийских племенах: глубокий разрыв между обеими группами мог быть вызван и причинами другого рода.

Л. А. Булаховский (Киев)

Я считаю деловое объединение лингвистов и этнографов очень выгодным для обеих сторон. Временная изоляция языковедения не принесла пользы. Не будучи компетентным во внеязыковых областях знаний, ограничусь проблемой языковой общности. Но даже суженный до такой степени вопрос остается очень актуальным, поскольку существует то неустойчивое положение, когда разные лингвисты, опираясь на один и тот же материал и используя в сущности одинаковый научный метод, отвечают на один и тот же вопрос диаметрально противоположно. Так, Отрембский пишет: «Мы не нашли ни одной особенности, которая противоречила бы гипотезе о первоначальном единстве славянских и балтийских языков, т. е. об их происхождении из одного языка» (ВЯ, 1954, № 6, стр. 43). Из противников единства этих языков достаточно процитировать Зенна, который в сущности согласен, так же как Эндзелин, Френкель, Станг и др., с противоположным мнением Мейе. Указывая, что прабалтийский вокализм более совпадает с германским, чем со славянским, Зенн делает следующее заключение: «При таких обстоятельствах мы имеем полное право отказаться от старой теории балто-славянского языкового единства» («Zeitschr. für vergl. Sprachforschung», 71, 1954, стр. 182).

Из обеих цитат видно, что на такой конкретно поставленный вопрос нельзя ответить без теоретического анализа. При этом было бы естественно исходить из новейшей, уже цитированной статьи Отрембского. Но его статья, имеющая значительную научную ценность, мало учитывает мнения противников (он широко полемизирует только с Эндзелином). Отрембский стремится объяснить все трудности этой проблемы, но должен при этом оперировать, например, такими фонетическими или аналогическими изменениями, которые мы, со своей стороны, не можем поддержать. Поэтому его утверждения иногда справедливы и возможны, но не всегда достоверны. Однако и статьи указанных выше противников балто-славянского единства не представляют — каждая сама по себе — достаточно широкой основы для анализа.

Итак, нужна критическая статья, которая, уважая мнения обеих спорящих сторон, вместе с тем указала бы, особенно на параллельных материалах романских и новогреческих, какие поразительные изменения одной и той же основы могут произойти в относительно непродолжительный срок. Такая статья могла бы появиться в плане исследования проблемы, поставленной перед Московским съездом.

Я хочу только кратко указать некоторые причины продолжающихся разногласий.

По моему мнению, есть два главных препятствия, мешающих единому ответу на данный вопрос: во-первых, балто-славянские памятники восходят к довольно позднему периоду, а во-вторых, мы не знаем, что из отдельных индоевропейских языков можно отнести к праязыку и каким об-

разом тогда определять отклонение балто-славянского периода от периода праязыкового. Кроме того, существуют также затруднения субъективного характера. Между учеными нет единства в определении значения отдельных критериев для выяснения общего балто-славянского периода: например, Траутман был уверен, что своим словарем он доказал реальность балто-славянского единства, другие же предостерегают от использования лексического критерия. Не проводится необходимое разграничение фактов по одному критерию с точки зрения их доказательности. Нет единства в суждении о том, до какой степени один язык может влиять на другой: крайнюю позицию в этом случае занимает Зенн, который полагает, что литовская видовая система возникла под сильным влиянием русского языка, равно как и неожиданные балтийские рефлексы индоевропейских дифтонгов объясняются влиянием славянских языков. Глубокие разногласия существуют также в следующем: по мнению некоторых исследователей, определенные сходства указывают на общее балто-славянское происхождение; по мнению других, те же сходства — только изоглоссы, проникающие на территорию соседних языков, а третьи исследователи указывают на параллельное, независимое развитие от индоевропейского праязыка. Так, например, по-разному решается вопрос о рефлексах индоевропейских r , l , m , n , о возникновении генитива-аблатива единственного числа *o*-основ, о проникновении *jo*-основ в *nt*-причастия и многое другое.

Я убежден, что выяснение и решение методических вопросов поможет найти общий ответ относительно балто-славянского единства и поможет в дальнейшем при исследовании языкового материала, который далеко еще не исчерпан. Поэтому дальше я помещаю этимологические заметки, которые имеют скорее принципиальное значение и не являются обычным сопоставлением двух слов.

Если правильна этимология определенных пластов лексики, показывающих чередование (видимо, экспрессивное) звонких и глухих согласных в одном и том же языке, например слав. *krysa—gryzati*, литовск. *šoku—žiogas*, *kaklas—guoglys* (см. «Slavia» 24, 1955, стр. 1—3), то я не вижу существенного отличия в том случае, когда пары таких слов разделены между обоими языками.

Цитирую снова свои этимологии: *kysati—gaužoti*, *slėp̃s—žlibas*, *gėrb̃s—kupr̃a* (с метатезой). Естественно, что в тех и других парах существовали оба дублета в одном и том же языке, в данном случае балто-славянском, и что при распаде его на языки балтийские и славянские в обеих группах обобщился единый, но всегда иной тип. Предположение о том, что соседи заимствовали из другого языка слова, означающие *горб*, *слепой*, *кислый*, *волос* (ср. литовск. *plaukas*, чеш. *chlup*) и др., считаю менее правдоподобным.

Теперь мне хотелось бы продолжить этимологии этого типа. Сопоставление Махка *grazūs—krasñs* (V. Machek, Recherches dans le domaine du lexique balto-slave, Brno, 1934, стр. 12 и сл.) вполне удовлетворительно по семантике и формально поддерживается рядом подобных же пар. Если мы рассмотрим другой славянский синоним для «красивый», например, сохранившееся в польском *piękny*, то ему соответствует, опять-таки с изменением глухих согласных на звонкие, литовск. *bingūs*, означающее, кроме всего прочего, также «красивый». Существующее сопоставление *bingūs* с *beŋgti* «докончить», *bangà* «волна» (A. Leskien, Der Ablaut der Wurzelsilben im Litauischen, Leipzig, 1884, стр. 320), указанное Лескином, принятое также Френкелем в его этимологическом словаре литовского языка, отклоняю как неясное. Оба литовских слова *grazūs* и *bingūs* — нераспространенные *uk*-основы, в славянском же языке в обоих случаях находим один и тот же суффикс *-no*. Если мы рассмот-

рим значения обоих литовских слов в новом литовском словаре «*Dabartinės lietuvių kalbos žodynas*» (Vilnius, 1954), то обнаружим в статье *bingùs* также и значение *išpenėtas* «откормленный (о лошади)», а в статье *gražùs* значение *riebùs* «толстый». Литовские слова, в отличие от славянских, объединяют значение «статности» (ср. M. Niedermann, Wörterbuch der litauischen Schriftsprache, I, где *bingùs* дано со значением «stattlich») и «откормленности» со значением, выражающим эстетическую оценку. Если мы не хотим отвергать две пары слов, безупречные формально и частично тождественные по значению (если значение «жир» польского слова *krasa* древнее, то тождество полное), остается рассмотреть свидетельства других языков. Синонимический словарь Бака (*Buck*) (см. *beautiful*) не отмечает у большого ряда слов, выражающих в разных индоевропейских языках понятие «красивый», исходный семасиологический пункт «толстый», «откормленный». Сравним балто-славянские значения с двумя латинскими словами, обозначающими «толстый»: лат. *pinguis*, литовск. *bingùs*, чеш. *pěkný*; лат. *crassus*, литовск. *gražùs*, чеш. *krásný*.

Обращаем внимание на то, что литовское *bingùs* с латинским *pinguis* сводил Вакернагель (J. Wackernagel, Altindische Grammatik, II, 2, стр. 464), а латинское *crassus* со славянским *krasa* — Мерингер («Wörter und Sachen», V, 1913, стр. 150). Но только совпадение этих слов во всех трех языках дает возможность сделать заключения более общего характера. Со стороны значений между латинским и литовским существует полная тождественность, причем дальнейшие литовские значения являются одновременно мостом к значениям славянским. Со стороны формальной мы также приходим к тождеству, если признать, что в слове *pinguis* скрывается старая *u*-основа (ср. греч. *παχύς*) и что *crassus*, если сравнить его с *densus* (ср. греч. *δαρύς*), также старая *u*-основа, которая перешла в *o*-основы. У слова *pinguis* видим расхождения консонантов в смысле звучности; это расхождение в балто-славянском было замещено сходством: оба консонанта или звонкие, или глухие. Двойное *-ss-* слова *crassus* в языке, предпочитающем экспрессивные удвоения, вполне естественно. Степень гласных также не вызывает затруднения: в *pinguis* и т. д. исходим из **pŋus*, литовск. *gražùs* по гласному тождественно с *crassus*, в славянском — степень удлинения.

Остается одна трудность. Проф. Махек сводил *gražùs* и *krasъnъ*, предполагая, что славянское *s* — из палатального *k'*, так как этому *k'* отвечает литовск. *ž*, т. е. рефлекс палатального *g'*. Этому предположению решительно возражает латынь. Мы исходим из тождества лат. *crassus* и славянск. *krasъnъ*, так как славянск. *s* может быть рефлексом праязыкового *s*. Если сравнить уже упомянутые балто-славянские пары, например *kuprà—gъrbъ*, видно, что здесь речь идет о рефлексах парных звонких и глухих согласных. Другое дело — непарная индоевропейская согласная *s*. Собственно, звонкий *z* в литовских словах — это позиционный вариант глухого *s*, и вполне возможно, что экспрессивная противоположность звука *s* слилась с фонемой *ž* (являющейся нормальной парой к глухому *š*), фонетическая реализация которой в разных литовских наречиях колеблется между звуками *z* и *ž*.

Из предыдущего, надеюсь, вытекает, что лексический критерий, против которого так предостерегает большинство противников балто-славянского единства, окажет нам, если его правильно применить, подлинную поддержку в вопросе о балто-славянском единстве. Этимологическое тождество слов, мало подходящих для заимствований и до сих пор не сводимых, своеобразное развитие значений (толстый — красивый) могут быть тем нетривиальным аргументом, к которому призывали Мейе и другие про-

тивники балто-славянской теории. Если замечание Мейе в «*Dictionnaire étymologique de la langue latine*» (см. *pulcher*): «прилагательные, имеющие значение „красивый“, отличают один язык от другого» — останется и дальше справедливым, то балто-славянский язык следует признать таким языком, в котором данное значение своеобразно возникло из другого значения. Думаю, что звуковое и семантическое развитие обоих балто-славянских слов не подходит к доктрине Мейе о «параллелизме и независимости славянского словаря и словаря балтийского» (см. «*Revue des études slaves*», 5, 1925, стр. 9).

Я могу ошибиться в том случае, если удастся объяснить неясные до сих пор слова со значением «красивый» в других индоевропейских языках таким же способом, как и оба балто-славянских выражения. Тогда это перестанет быть аргументом в пользу общего происхождения обоих языков. Но это не изменит ни реальных задач балто-славянского исследования, ни стремления усматривать в неиспользованном до сих пор лексическом материале хотя бы частное средство к разрешению вопроса о балто-славянском единстве.

К. Яначек (Оломоуц)

В данном вопросе наиболее важной представляется мне вторая часть — как следует понимать балто-славянское языковое и этническое единство. Дело в том, что в настоящее время мало кто вслед за Мейе отрицает это единство, а идентичные балто-славянские языковые факты объясняет параллельным и совершенно независимым развитием балтийских и славянских языков. Однако, несмотря на это, споры по данному вопросу не прекратились. Наоборот, за последнее десятилетие они стали еще более острыми.

Вопрос не может быть решен только на основе признания единства. Различные ученые по-разному понимают единство балтийских и славянских языков. Если прежде спор шел между сторонниками Мейе и Бругмана, то теперь в современном языкознании основной спор идет не между, скажем, Зенном и Вайаном, а между Вайаном и Стангом, между Отрембским 1954 года и Отрембским 1947 года. Одни ученые объясняют балто-славянское единство на основе теории праязыка, другие — на основе теории контакта. Я глубоко убежден в том, что теория балто-славянского праязыка должна быть отвергнута. Она себя не оправдала. Почему? Многие древнейшие процессы в славянских и балтийских языках имели разную судьбу. Многие важнейшие процессы праславянского языка раннего периода не были известны прабалтийскому совсем или были отражены слабо в отдельных его диалектах. Большие и непреодолимые трудности для сторонников теории балто-славянского праязыка ставит древняя дихотомия прабалтийского языка. Обычно вся система доказательств сторонников теории балто-славянского праязыка строится на сопоставлении фактов праславянского и литовского языков. Часто факты литовского просто подменяют факты прабалтийского. А между тем прабалтийский еще в очень глубокой древности распался на два основных праязыка. К одному из них восходят языки литовский и латышский, к другому — прусский. Сторонники теории балто-славянского праязыка среди других доказательств указывают обычно на замену старого генетива основ на -о формой аблатива. Однако хорошо известно, что эта особенность не является общебалтийской. Ее не знал прусский язык. Сторонники теории балто-славянского праязыка не могут решить задачи балто-славянских пра-

языковых реконструкций. На это очень уместно обратил недавно внимание Т. Милевский в своей интересной и содержательной рецензии на книгу Вайана «Сравнительная грамматика славянских языков» (см. «Rocznik slawistyczny», t. XVIII, cz. 1). И, наконец, против теории балто-славянского праязыка убедительно свидетельствуют данные археологической науки. Наиболее крупные авторитеты в области славянской археологии (например, И. Костешевский) в настоящее время выступают против теории балто-славянского праязыка. Эта теория принесла большой вред, так как толкала исследователей на путь произвольных сопоставлений, смещения хронологии; она заставляла простые и вполне очевидные факты толковать искусственно и необудительно.

Верный путь в решении балто-славянской проблемы наметил в свое время И. М. Эндзелин в своих знаменитых «Славяно-балтийских этюдах». В той или иной степени по этому пути пошли многие языковеды, углубляя и обогащая учение Эндзелина о «славяно-балтийской эпохе». Весь комплекс балто-славянских языковых проблем следует рассматривать в аспекте теории «языкового союза». В период балто-славянского контакта (сообщности) возникли и развились некоторые важные общие особенности звукового и грамматического строя. Это прежде всего балто-славянская интонация. Следует также указать на судьбу индоевропейских слоговых сонантов.

Длительный контакт привел к тому, что в обоих языках сохранились некоторые черты индоевропейского праязыка, утраченные частично или полностью в других группах индоевропейских языков. Под воздействием финского субстрата при отрицании стал употребляться родительный падеж. Балто-славянская сообщность определила возникновение ряда общих черт уже после распада балто-славянского языкового союза. Таким образом, необходимо различить балто-славянские изоглоссы, восходящие к периоду сообщности, и балто-славянские изоглоссы, возникшие в период, когда эта сообщность уже закончилась. Ярким примером поздней балто-славянской изоглоссы является корреляция именных и местоименных прилагательных. Местоименные прилагательные возникли очень поздно (в самый поздний период праславянского языка). Многие общие изоглоссы возникли после распада балто-славянской сообщности, но без этой сообщности они бы не возникли. К еще более поздним балто-славянским изоглоссам относится изоглосса творительного предикативного. От изоглосс, возникших в период сообщности или позже в результате этой сообщности, следует строго отличать локальные изоглоссы, сформировавшиеся в связи с влиянием отдельных языков или диалектов в позднее время. Это будут изоглоссы польско-пруссские, польско-литовские, белорусско-литовские и др. Весь комплекс балто-славянских языковых отношений может быть решен путем установления территории всех изоглосс и времени их появления.

Балто-славянский контакт осуществлялся на территории южной Прибалтики. Праславяне занимали западную часть территории, прабалты — восточную. Возможно, что еще до установления балто-славянского контакта существовал какое-то время германо-славянский контакт. Однако этот контакт не был длительным и тесным. Он не привел к германо-славянской сообщности. Иначе сложились взаимоотношения славянских и балтийских племен. Здесь контакт привел к формированию языковой сообщности. К какому периоду относится этот контакт? На этот вопрос с полной уверенностью ответить трудно. Полагаю, что начало его относится к середине второго тысячелетия до н. э. Надо думать, что этот контакт продолжался не менее тысячи лет.

С. Б. Бернштейн (Москва)

Балто-славянское языковое единство безусловно существовало, так как иначе было бы невозможно объяснить обилие балто-славянских лексических новообразований, вошедших в так называемый «основной словарный фонд» и не могущих быть заимствованиями из балтийских языков в славянские или наоборот, например: *голова* — литовск. *galvà*, *рука* — литовск. *rankà* и др. Это единство существовало еще в ту эпоху, когда предки как балтийцев, так и славян уже познакомились с металлами, по всей вероятности, даже до так называемого «железного века». Доказательством этого может служить общеславянск. *жельзо* (польск. *żelazo*, укр. *залізо*), соответствующее литовск. *geležis*, др.-прусс. *gelso*, латышск. *dzelzs* «железо». Археология утверждает, что «железный» век в восточной Европе начался не ранее 500 г. до н. э. Это вполне согласуется с тем, что Геродот упоминает в 512 г. до н. э. народ *Νεῦροι*, в котором некоторые исследователи (Чекановский) видят еще не разделившийся балто-славянский народ. Если название *Νεῦροι* действительно может быть сопоставлено с литовским *niaurūs* «печальный, пасмурный» и с русским *по-нурий* (ср. также река *Nura* в Мазовии), тогда в нем представлен еще не изменившийся дифтонг *-eu-*, впоследствии перешедший в славянских языках в *-и-*, а в балтийских в *-iau-*. Не подлежит, однако, сомнению, что это «балто-славянское „единство“» не было ясно осознанным этническим единством, каким еще в историческую эпоху представляется, например, славянство или индо-иранский коллектив. По всей вероятности, существовал ряд племен, говоривших на близких наречиях, незаметно переходивших друг в друга. Принимая во внимание, с одной стороны, наличие весьма древних балтийских заимствований в балтийско-финских языках, а также в мордовском и черемисском, и древних иранских заимствований в языках славянских, а, с другой стороны, отсутствие иранских заимствований в языках балтийских, следует предположить, что племена, из которых впоследствии развились балтийские народы, были отделены предками славян от иранцев; предки же славян были отделены балтийскими племенами от угро-финнов. Так как последние имеют очень древние заимствования из иранских языков, то следует предположить первичное расселение этих четырех этнических групп вокруг какого-то непроходимого препятствия, по всей вероятности, обширных болот в бассейне Припяти. См. схему:

В. Кипарский (Хельсинки)

Между балтийским и славянским языками существует настолько большая близость, что консервативный в области фонетики и морфологии литовский язык может в известной мере заменить незаведительствованный праславянский язык. Относительно этой близости особенно показательное сравнение с индо-иранской языковой общностью. Индо-иранские письменные памятники начинаются с I тысячелетия до н. э. (и даже раньше), а балто-славянские на 2000—2500 лет позже. Несмотря на это, близость

между балтийским и славянским языками видна очень ясно, в то время как между индийскими и иранскими языками той же эпохи, т. е. около X—XV в. н. э., такую близость обнаружить гораздо труднее. Этот факт крайне важен: он свидетельствует о том, что близость балтийского и славянского очень велика, что эти языки некогда составляли единую языковую общность, продолжавшуюся длительный период времени и распавшуюся, вероятно, позднее индо-иранской общности. (Относительно подробностей см. нашу статью «Балто-славянский, германский и индо-иранский» — в издании: «Сб. статей по славянской филологии, посв. IV Международному съезду славистов», вып. I, М., 1958; в печати.)

В. Георгиев (София)

В неолингвистике Бартоли, наряду с генеалогическим фактором, выделяет в достаточной мере и влияние культурно-географического фактора, когда речь идет о лингвистических связях групп, близких географически. Если исходить из идей романтически настроенных шлейхерианцев и их родословного дерева, кажется, что балтийская и славянская ветвь и в предысторическое время были близки между собой, но при этом обычно упускается из виду точное географическое определение этого единства, хотя, вероятнее всего, славяне-индоевропейцы были юго-восточными соседями балтийских индоевропейцев. Балто-славянские соответствия в области лексики, где поразительно единство коренных и суффиксальных элементов и прежде всего в общих новообразованиях, явно выделяют этих индоевропейцев из остальных индоевропейских племен, с языком которых таких соответствий относительно меньше. Г. Крае последовал за Е. Норденом и попытался отделить балтийских индоевропейцев от славянских на основе термина *teutā* и присоединить их к западной группе, т. е. германским, иллирийским, кельтским и итальянским индоевропейцам. Но апофонические корни (*s*)*teutā/toudā* встречаются не только в центре Балкан (религиозные надписи в честь Аполлона *Oteudanos Eteudaniskos*), но и в трипольской области, где этнический элемент *Saudaratai* легко выводится из древнего *staudaratai* и отождествляется с догреческим *Teudareos*. С этим важным общественно-политическим термином совпадают, согласно всему вышеизложенному, и славянские корни (*š*)*tuždi (steudio)* и *tudji (toudio)*, причем следует подчеркнуть, что дифтонг *ou* свойствен исключительно балто-славянскому (литовск. *tautā* в соответствии с *teutā*). Связь с хет. *tuzzi* «camp, armée campée» совсем ненадежна (A. Juret, Voc. et hitt., стр. 68 и Porzig, Gliederung, стр. 200). Если же мы отклоним *Stammbaum* Шлейхера и примем нормально поставленную пирамиду Марра, идею которой по-своему разделяют Трубецкой и Пизани, тогда балто-славянские лексические новообразования в очень большой степени будут свидетельствовать в пользу этнической и культурно-географической близости балто-славянских индоевропейцев. Это означает, что проблему балто-славянского единства нельзя отделить от более широкой проблемы праязыка и прародины. Учение Марра во всех отношениях больше отвечает экономике неолитических формаций, чем романтизм Шлейхера.

М. Будимир (Белград)

По вопросу о балто-славянском языковом единстве сейчас преобладает отрицательное мнение. Предположение о балто-славянском единстве представляется излишне прямолинейным, как теория родословного дерева. При всех балто-славянских тождествах указывают на расхождение в глагольной флексии. Специфические балто-славянские сходства являются или сохранившимися архаизмами, или параллельными новообразованиями, или элементами, заимствованными в условиях постоянного общения или временной гегемонии славян над балтами. Другие, более удачные объяснения не выявились.

Если небольшие этнические единства попадали между более крупными, то они могли переходить от одного к другому и оказывать свое влияние. Когда непрерывность индоевропейских диалектов сменилась разобщенностью исторических языков, новые языковые группы должны были поглотить различные переходные наречия и преодолеть их. Это также говорит в пользу давнего смещения диалектов.

В последние годы, однако, исследователи открывают все больше сходства между балтийским и славянским глаголом (Эндзелин, Станг, Лейман). Обрисовываются пути развития, которые привели к историческим расхождениям. Тезис о радикальном расхождении между балтийским и славянским спряжением сменяется рассуждением о том, что «в ранний послеевропейский период балтийская и славянская глагольные системы были очень близки». Но в общем остаются еще некоторые расхождения, «которые нельзя с уверенностью возвести к предыдущему единству».

В балтийском, как и в германском, нет следов сигматического аориста, в славянском же существует своеобразное смещение сигматического аориста с асигматическим.

Как важное древнее расхождение между балтийским и славянским до сих пор оценивается тот факт, что в балтийском *s* после *i* и *u* большей частью не изменяется, в то время как в славянском изменение закономерно (если за ними не следует взрывной согласный), так же как и после *г* и *к*. Это расхождение становится еще более важным, если учесть, что данная славянская черта объединяет славянский с иранским. Но в славянском имеется *ch* в соответствии с индо-иранским *š* (иран. *š*, индийск. *ś*). Можно предположить, что фонологизация вышеуказанных вариантов *s* была своеобразно проведена в каждой сатемовой группе в соответствии с развитием *к*.

Имея это в виду, можно вернуться к естественному объяснению большого числа балто-славянских совпадений: они происходят от продолжительной языковой общности.

П. Трост (Прага)

Предварительно я должен заметить, что отвечаю на вопрос о языковом, а не об этническом единстве, поскольку я не ставлю между ними знака равенства.

Недавно вопрос о балто-славянском языковом родстве после ряда новых обсуждений снова стал актуальным. Бесспорно, что он подлежит ревизии. Для более удовлетворительного решения этого вопроса требуется преодолеть более серьезные трудности, чем до настоящего времени предполагалось. В существующих гипотезах прежде всего имеется терминологическая неясность, поскольку говорится то об общности, то о единстве, то об общей эпохе или периоде, то о праязыке, то о параллельном развитии двух родственных языков. Эти предположения отражают как шлейхерпанство и теорию Шмидта о волнообразном развитии языков, так и отголоски

идей Шухардта—Бодуэна, понимание Сепиром языковой модели, контактную теорию Бубриха или методологию венской этнографической и культурно-исторической школы, субстратные, суперстратные и адстратные построения Вартбурга и приверженцев языковых союзов и т. д.

В каком направлении нужно искать более приемлемое освещение этого вопроса? Можно было бы пойти по пути усовершенствования сравнительно-исторического метода. Это смогло бы обеспечить точное установление хронологии единичных явлений, связывающих две языковые ветви в прошлом. Из числа фактов, принимаемых для сравнения, должны выпасть те, которые имеют параллели и в других индоевропейских языках. Должна быть внесена ясность в вопрос, как отличаются унаследованные черты от параллельно развившихся и является ли индоевропейское единство и балто-славянская общность только лингвистическими понятиями. Необходимо доказывать каждый тезис новым методом, без догматического или упрощенческого отношения к фактам. Важно решение предварительного вопроса об установлении генезиса связей славян и их языка с другими индоевропейскими языками (германским, кельтским, иранским, тохарским, хеттским), чтобы выяснить ценность аргументов о параллельном, изолированном развитии родственных языков. Следует установить и характер отношений между балтийскими языками, имея в виду ряд фактов из области истории соответствующих народов, не нарушая гомогенности основы доказательств.

Общность между балтийским и славянским, наиболее отчетливая в грамматическом и фонетическом отношении, но крайне сомнительная в отдельных лексических сопоставлениях, по моему мнению, обусловлена тремя причинами: 1) общим наследием индоевропейского периода, 2) тенденцией к параллельному развитию в более позднее время, 3) заимствованиями в разные хронологические периоды.

Две главные враждующие между собой теории — о существовании балто-славянского языка и теории параллельного развития балтийского и славянского языков — не отрицают в целом одна другую, так как в период общности может наблюдаться и дуализм. Этот дуализм переоценен Мейе, Эндзелином, Салисом, Пизани, Зенном и др., а остальные авторы его недооценивают.

И. Лекое (София)

Существование балто-славянской языковой общности, по нашему мнению, не вызывает никакого сомнения. Многочисленные исследования на эту тему, указывая, с одной стороны, значительное число расхождений между балтами и славянами, с другой стороны, отмечают большое количество своеобразных совпадений. Эти совпадения встречаются как в фонетике (например, замещение сонантных ликвид, известные интонационные явления) и морфологии (склонение, спряжение и особенно причастия), так и в словообразовании и словарном составе (здесь можно считать доказанным общее развитие его, представленное в словаре Траутмана). Совпадения, встречающиеся также и вне балто-славянской сферы, являются сохранением древнего общего наследия и, собственно, не имеют доказательной силы для идеи языковой общности. Напротив, совпадения, ограниченные только балто-славянской областью, можно понять лишь как новообразования периода общего развития, что имеет аналогию в индо-иранской области. Если бы славянские и балтийские языки были

засвидетельствованы не с X и XV вв., а более древними памятниками, как древнеиндийский и древнеиранский языки, то они позволили бы установить примерно такое же далеко идущее совпадение, как и в индо-иранской области. В то время как свидетельства о балто-славянском языковом периоде вполне ясны, факты, столь же надежные для решения вопроса об этническом единстве, по нашему мнению, отсутствуют.

Э. Дикенман (Берн)

Акцентуальная плоскость оспаривает чрезмерное значение балто-славянского языка для лингвистики. Прежде всего из нее вытекает также и эта языковая общность. События ранней истории оказали влияние на праславянский язык и его эволюцию. Его происхождение не отличается ничем от происхождения какого-либо другого младшего языка, например испанского и т. д.

К. Треймер (Вена)

В конце праиндоевропейского периода предки балто-славян проживали где-то на юго-востоке Европы в ближайшем соседстве с индо-иранцами и другими представителями позднеиндоевропейской языковой группы *satem*, с которыми они переживали некоторые общие языковые явления.

На западе их соседями были прагерманцы, контакт с которыми продолжался и после выделения балто-славян из группы *satem*, на что указывают некоторые общие языковые элементы в балто-славянских и германских языках.

После отделения балто-славян от других представителей группы *satem* они сами сохраняли в течение известного периода свое языковое единство (начальный момент теории Бругмана). Позже, с ростом численности народонаселения, с расширением занятых ими территорий, а также с развитием в разных местах разных диалектных черт стали обрисовываться языковые и территориальные расхождения между будущими славянами и балтами, но с сохранением настолько тесного контакта между ними, что возникшие в одной группе языковые перемены могли передаваться и другой соседней группе (теория контактного развития Эндзеллина и др.). Все это происходило до периода более близкого контакта между балтийским и прибалтийско-финским праязыками (около 2000 лет тому назад), потому что этот контакт уже не отражается на отделившихся славянских языках. Наконец, обособление зашло так далеко, что взаимное переживание общих языковых изменений стало уже невозможным. Остались только существующие и в наше время возможности заимствования отдельных слов и других языковых элементов на месте стыка обеих групп языков, которые, конечно, могут иногда и передаваться в глубь данной языковой территории.

По-видимому, приходится считать не соответствующей действительности точку зрения Мейе о полном отделении друг от друга балтов и славян, начиная непосредственно с праиндоевропейского времени.

Задача языкознания, а также других вспомогательных наук, главным образом археологии, — установить в будущем возможно точные временные и территориальные границы, а также конкретное лингвистическое содержание всех упомянутых периодов.

В. Эрнст (Тарту)